

THE POSITION OF I. A. BUNIN IN THE PARIS DISCUSSION OF 1927

Safiulina Rano Mirsachanovna^{1*}

Associate Professor, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»,
Moscow, Russia.

(date of receiving: December, 2022; date of acceptance: January, 2023)

Abstract

The article deals with the position of I. A. Bunin in the Parisian discussion of 1927. In this regard, the problem of being-in-memory as an artistic object in the works of I. A. Bunin after 1927 is revealed. In this regard, the writer's novel "The Life of Arseniev" and other works that reflected the two main motives in Bunin's work after 1927 - the motive of irreversibility and the motive of the universality of man are studied, and a new concept of "being-in-memory" is introduced. The purpose of the study is to reveal the features of the embodiment of these motives in Bunin's work, the influence of these motives on the conceptual foundations of his work. The purpose of the study is to reveal the features of the embodiment of these motives in Bunin's work, the influence of these motives on the conceptual foundations of his work. An analysis of the works created after 1927 allows us to conclude that Bunin's super-task as a writer and a person is to preserve in the memory of mankind the objective and spiritual world of pre-revolutionary Russia, an era that has gone irrevocably into oblivion and is preserved only in people's memories.

Keywords: Bunin, Russian Emigration, Controversy of 1927, Newspaper "Dni".

1. Email: ranovi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3128-6999>

* Corresponding author

ПОЗИЦИЯ И. А. БУНИНА В ПАРИЖСКОЙ ДИСКУССИИ 1927 ГОДА

Сафиулина Рано Мирзахановна^{1*}

Доцент кафедры русского языка и литературы МФПУ «Синергия»,
Москва, Россия.

(дата получения: декабрь 2022 г.; дата принятия: январь 2023 г.)

Аннотация

В статье рассматривается позиция И. А. Бунина в парижской дискуссии 1927 года. В связи с этим раскрывается проблема «бытия-в-памяти» как художественного объекта в произведениях И. А. Бунина после 1927 года. В связи с этим исследуются роман писателя «Жизнь Арсеньева» и другие произведения, отразившие два основных мотива в творчестве Бунина рассматриваемого периода – мотив невозвратности и мотив всеобщности человека и вводится новое понятие «бытия-в-памяти». Цель исследования состоит в раскрытии художественных особенностей воплощения этих мотивов в творчестве Бунина, влияния этих мотивов на концептуальные основы его творчества. Анализ выделенных мотивов позволяет сделать вывод, что сверхзадача Бунина как писателя и человека: заключалась в сохранении в памяти человечества предметный и духовный мир дореволюционной России, эпохи, ушедший навсегда в небытие и сохранившийся только в воспоминаниях людей.

Ключевые слова: Бунин, русская эмиграция, полемика 1927 года, газета «Дни».

1. Email: ranovi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3128-6999>

* Ответственный автор

Введение

1927 год стал во многом рубежным в истории русской эмиграции. Надежды на скорое возвращение домой были окончательно разрушены. 10-летие Октябрьского переворота, позитивные вести из Советской России об успехах индустриализации, всеобщей ликвидации неграмотности, массовом энтузиазме народа не могли быть не замечены эмигрантами. Исходя из реальной данности, эмигрантам предстоял сложный и болезненный выбор дальнейшего жизненного и творческого пути.

Начало самоидентификации русской эмиграции положила анкета 1927 года, опубликованная редакцией газеты «Дни» (Париж) с вопросами об отношении к советской литературе, талантливости ее отдельных представителей. В ней были два вопроса:

1. Что Вы думаете о художественной литературе в советской России?
2. Кого из советских писателей Вы считаете талантливыми или подающими надежды? (Дни 1927. 30 октября).

Анкета разделила эмигрантскую русскую интеллигенцию. Дискуссия вышла за рамки литературы, поставила более широкие, чрезвычайно болевые вопросы и превратилась в концептуальное осмысление сущности эмигрантского движения: что есть русская эмиграция, русская эмиграция и русский народ, ментальность русской эмиграции в контексте культуры страны проживания, отношение к Советской России, полное отречение от русского народа или необходимость считаться с его историческим выбором, трагизм потери связи с родиной, потенциальные возможности возвращения домой.

Представители лагеря «непримиримых» Д. Мережковский и З. Гиппиус сразу же отказались отвечать на эту анкету. Но параллельно в своих изданиях они высказывались на эту тему, развивая свою идею о «Третьей России».

Благожелательно отозвались о русских советских писателях в своих ответах М. Осоргин, Д. Г. Резников, А. Куприн, А. А. Гвоздинский, Г. Федотов.

Основная часть

Позиция Бунина в парижской дискуссии 1927 года

Бунин активно следил за полемикой в газете «Дни» и занял особую позицию в дискуссии. Свое принципиальное отношение к Октябрьской революции и советской литературе Бунин изложил ранее в докладе «Миссия русской эмиграции» (Бунин 1924. 5-6). Выступление состоялось 16 февраля 1924 г. в парижском Salle de Geographie при большом количестве слушателей. В полемику вокруг вечера «Миссия русской эмиграции» оказались втянутыми, по сути, все политические силы русской эмиграции: от ультралевых до ультраправых (Бакунцев 2021. 276).

«Позицию Бунина правильнее было бы обозначить как центристскую, с сильным государственным элементом, предполагавшим среди прочего отстаивание национальных ценностей и традиций. Писатель, в отличие от левой эмигрантской общественности (левых радикалов, меньшевиков, эсеров, милюковцев), не признавал никаких «завоеваний» революции; ... отрицал всякую ценность новорожденной советской литературы (Бакунцев 2013. 292).

Бунин ясно высказался и о положении русских, бежавших от большевиков: «Мы не изгнанники, а именно эмигранты, то есть добровольно покинувшие родину».

Ответом на парижскую полемику 1927 года Бунина стало его творчество. Видимо, именно 1927 год стал для него рубежным. Питавшие его предыдущие годы надежды на падение новой власти в России, на победное возвращение домой окончательно развеялись. В 1927 году Бунин начинает писать свою самую знаменитую книгу «Жизнь Арсеньева», своеобразную исповедь перед Богом и людьми. С этого момента он минимизирует свои политические выступления, отказывается от политического, идеологического соперничества с Д. Мережковским. «У Бунина никогда не было собственной "школы" или организации его почитателей. Он относился к подобной идее отрицательно и

даже насмешливо. Мережковский же стремился к "водительству" (Хрисанфов 2001. 102).

Мотив невозвратности

Именно в эти годы возникает в творчестве Бунина мотив невозвратности и формируется взгляд на родину как *«бытия-в-памяти»*. Настоящая Россия словно перестала для него существовать. Бунин редко обращается и к парижской действительности. Основным источником творческого вдохновения для него станет теперь навсегда исчезнувший мир дореволюционной России, мир *«бытия-в-памяти»*. Например, Бунин пишет так о невозвратности в финале своего рассказа «Косцы» (1921 г., Париж): «...хорошо знали и мы и они... что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие - и невозвратимые... и настал конец, предел божьему прощению» (Бунин 1993-2000. т.5. 72).

Бунин осознал свою задачу как писателя и человека: сохранить в памяти человечества предметный и духовный мир, эпохи, ушедший навсегда в небытие и сохранившийся только в воспоминаниях людей.

Анализируя одесский цикл стихов И. Бунина, Т. М. Двинятина ввела термин «стихи после смерти». Главной темой творчества Бунина после 1927 года стала впечатления не от реальной жизни, в которой он жил в Париже, в Грассе, а от прошедшей навсегда жизни. Этот мотив, по ее мнению, впервые зазвучал уже в цикле стихотворений, написанных в Одессе, в последние дни пребывания на родине перед эмиграцией. «В "одесских" стихах наметилась основная тема и интонация его будущих произведений: воссоздание первоначальной гармонии разрушенного мира, удивление и преклонение перед ней героя / автора» (Двинятина 2020. 191). Но полное звучание этот мотив невозвратности зазвучит в прозе Бунина, и особенно в «Жизни Арсеньева», «Темных аллеях», написанных на одном дыхании, пронизанных

чувством тоски по прошедшей «жизни», потерянной навсегда и невозвратно. «Позже, через несколько лет жизни во Франции, Бунин найдет для них особую оптику (*воспоминание*), сводящую разрозненные фрагменты в единое целое (*память*)» (Там же).

Г. Адамович остроумно написал о названии романа Бунина: «На титульном листе указано, что это «Жизнь Арсеньева», вторая часть. Можно было бы слово «Арсеньев» зачеркнуть, оставив только «жизнь». Впечатление только этим словом и удалось бы выразить» (Адамович 1939. 3). На страницах романа кипит, бурлит, шумно протекает жизнь дореволюционной России. Адамович под словом «жизнь» у Бунина определил сложный, неразделимый, переплетенный комплекс чувствований, представлений, устремлений бунинского героя. Жизнь - это единое целое человека, природы, мироздания, истории, смерти. Позже Адамович напишет во французском эссе «Жизнь и творчество Ивана Бунина»: «Не будет преувеличением сказать, что исчезновение социального порядка, который был знаком Бунину с юных лет, вызвало у него подобные ощущения, что нашло свое отражение в «Жизни Арсеньева» - это не столько роман, сколько длинная ода памяти мира, уничтоженного бурей революции» (Адамович 2032. 339).

Ф. А. Степун отмечал, что «Жизнь Арсеньева» - это «не роман в традиционном понимании, а философская поэма, и отчасти симфоническая картина, где воедино слились две темы: метафизически-психологическая тема высветления бунинских воспоминаний в вечную память и исторически-бытовая тема гибели царской России» (Степун 1934. 208).

Исследователи творчества Бунина называют произведения писателя текстами с ослабленным сюжетом и бессюжетными. «Анализа душевных процессов нет. Тем не менее, чувства и поступки бунинских героев, если и остаются немотивированными, но не кажутся неправдоподобными. Автор погружает читателя в таинство бытия, которое и не нуждается в толковании,

потому что оно – таинство» (Осовицкая 2021. 11). Произведение Бунина - текст, в котором не разделены раздумья героя и картины внешнего мира. «Но Бунин идет дальше. Иногда он не ограничивается частичным вовлечением элементов внешнего во внутренний мир, а заполняет картинами внешнего мира полностью» (Осовицкая 2021. 11).

Бунин создает свою, параллельную Россию, в противовес современной России. Концепт бунинской России складывается из множества компонентов.

Самая важная часть бунинской России – это усадьба. По мнению О. Петренко, мир русской дворянской усадьбы является воплощением одной из важнейших основ человеческого бытия, утрата которой приводит к нарушению жизненной гармонии. Зная реальную судьбу усадьбы и внимательно наблюдая за событиями в России, в своих произведениях писатель «отпевает» Русь духовную, Русь «усадебную» (Петренко 2021. 173). Для Бунина дворянская усадьба становится символом потерянной навсегда России.

Бунинская Россия – это разорившиеся отцы. Отец Бунина проиграл в карты, прокутил множество усадеб, и свои, и жены – матери Ивана. Тем не менее, портрет отца Бунина в романе «Жизнь Арсеньева» - это один из замечательных портретов русского дворянства. Он овеян трогательной любовью, уважением, даже обожанием к этому большому, талантливому, жизнелюбивому, но увлекающемуся человеку. В произведении Бунина нет конфликта между «отцами» и «детьми». Арсеньев-сын укоряет себя, что мало в детстве и юности любил своего прекрасного отца, мало интересовался его юностью, его переживаниями, тревогами и радостями. Роман «Жизнь Арсеньева» заканчивается воспоминаниями о двух самых близких людях – Лике и отце.

Еще одной гранью жизни для Бунина и его героя стала смерть. Тема смерти станет одной из центральных для писателя. Прекрасные пейзажи вдруг

дополняются видом умершей лошади Кабардинки. Череда смертей близких главного героя на страницах романа, казалось, бесконечна. Арсеньев понимает, что трагические моменты, смерть такое же проявление жизни, как и радостные минуты жизни человека. Именно трагические моменты жизни заставили героя задуматься над тайнами бытия, философски осмыслить место и назначение человека в мироздании.

Наряду с задачей сохранения усадебного образа жизни Бунин поставил перед собой другую, не менее важную проблему – сохранение живого, полнокровно звучащего русского языка дореволюционной России, ее говоров, интонаций, сочного словарного изобилия. Вместе с полнокровными, живыми картинами российской жизни конца XIX и начала XX вв., оживающей на страницах «Жизни Арсеньева», «Темных аллея», других его произведений, звучит живой, неповторимый русский язык, который также исчез в Советской России. Бунин передает в своих произведениях, как кричали извозчики, ожидая своих клиентов, как говорил отец, как на вокзале успокаивают его соседи по вагону, простые, обычные люди, как разглагольствует интеллигенция в редакции, товарищи по «подпольной» борьбе его брата Николая. Стотысячная Россия заговорила в произведениях Бунина, и каждый персонаж говорит индивидуальным, неповторимым языком и интонацией. Ярким примером может послужить перечисление блюд простой русской еды за обедом у Ростовцева, превращаясь в пищевой код лингвокультурологического концепта «Дореволюционная Россия». «Подавали сперва похлебку, потом, на деревянном круге, серые шершавые рубцы, ... к рубцам – соленый арбуз, а под конец гречишный крупень с молоком». Речь хозяина обеда народная, яркая: «Надо ко всему привыкать, барчук. Мы люди простые, русские, едим пряники неписанные, у нас разнослов нету...» (Бунин 1988. т.5. 53).

Мотив всеобщности человека

Другим мотивом, который определяет специфику творчества Бунина, является мотив всеобщности человека, восприятие человечества как единого целого. Эkleктика – собиpание культур мира – стала любимым приемом Бунина-писателя и человека (Сафиулина 2021. т.9. №2(18). 211-224). Во всех своих странствиях он ищет далеких предков.

Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой восприял в древнем детстве:
Нет в мире разных душ и времени в нем нет!
(Бунин 2014. т.2., 155)

По мнению Двинятиной Т.М., уже в стихотворениях одесского цикла звучит мотив «*прощание* с единственной родиной и *возвращение* к общему Источнику» (Двинятина 2020. 191). Но именно это чувство, объединяющее его с другими людьми в единое человечество, цивилизацию, родство с людьми разных стран и народов помогало Бунину выжить, не самоуничтожиться в трудных жизненных обстоятельствах. Большое место в его творческих поисках занимали цивилизации Востока. Иранский исследователь Д. Карими-Мотаххар отмечает: «Творчество Бунина объединяет людей разных стран, разных религий, разных политических взглядов, так как для писателя, прежде всего, была важна личность – Вселенная, заключенная в человеческом сердце» (Карими-Мотаххар 2019. 544). На всеобщность лирического героя Ивана Бунина указывает и профессор Тегеранского университета (Иран) Марзие Яхьяпур: «В своих работах Бунин говорит о «человеке» в общем смысле, и для него не имеет никакого значения, какова его нация и религия» (Яхьяпур 2019. 536).

Так, Г. Адамович выделил эту бунинскую особенность в романе «Жизнь Арсеньева»: «Но как ни богато повествование этим национальным

содержанием, как в этой плоскости ни горестно оно по тону, истинная тема "Арсеньева" - иная. За Россией у Бунина – весь мир, как не поддающаяся определению жизнь, с которой Арсеньев чувствует свое родство и связь» (Адамович 1952. 8).

Эту особенность своего мировосприятия герой романа открыл в себе еще в раннем возрасте и сохранил в себе навсегда. Наблюдая за пустынными полями, одинокой усадьбой, маленький Арсеньев явственно почувствовал и познал, что есть высшая тайна: «Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и к чему...» (Бунин 1988. т.5, 9).

Постоянные перемещения Арсеньева по городам, селам, усадьбам, хуторам, дорогам, проселкам, полям, лесам, городским улицам, площадям, вокзалам свидетельствуют о неуспокоенности души героя, поисках чего-то высшего, всеобщего. То же можно сказать и его любовных приключениях. Адамович Г. отмечает, что в Арсеньеве сочетаются «влечение ко всему миру, ко всем женщинам, и способность найти непрочное, недолгое счастье всюду» (Адамович 1939. 3).

Заключение

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что парижская дискуссия 1927 года стала одним из толков к творческому взлету Бунина-писателя, созданию его главного произведения «Жизни Арсеньева». Все свои силы Бунин посвятил задаче сохранить в памяти человечества предметный и духовный мир дореволюционной России, эпохи, ушедший невосвратно в небытие и сохранившейся только в воспоминаниях людей. После 1927 года не реальная жизнь, а бытие-в-памяти становится художественным объектом в произведениях И. А. Бунина. Основным источником творческого вдохновения

для него станет теперь исчезнувшая невозвратно жизнь дореволюционной России, мир «*бытия-в-памяти*». Произведения Бунина воспроизводили жизнь как единое целое человека, природы, мироздания, истории, смерти. Роман писателя «Жизнь Арсеньева» и другие произведения отражают два основных мотива в творчестве Бунина рассматриваемого периода – мотив невозвратности и мотив всеобщности человека. Бунин создает удивительные страницы описания усадебной России, природы в разное время года, праздников и будней. Бунинская Россия – это также тема разорившихся отцов-дворян, однако писатель не описывает конфликта «отцов» и «детей». Портрет отца Бунина в романе «Жизнь Арсеньева», один из замечательных портретов в русской литературе, проникнут трогательной любовью, уважением к этому талантливому и жизнелюбивому человеку. Другой важной задачей в творчестве Бунина после 1927 года стало сохранение живого, полнокровно звучащего русского языка дореволюционной России, ее говоров, интонаций, словарного изобилия. Русская речь усадебной России, язык городских и сельских жителей ожил на страницах романа «Жизнь Арсеньева» и других произведений Бунина.

Литература

- 1- Адамович Г. (1839). *Литературные заметки: И. А. Бунин.- «Лица» // Последние новости*, 1939, 4 мая (№ 6611), с. 3.
- 2- Адамович Г. (2021). *Жизнь и творчество Ивана Бунина. Перевод С. А. Гарциано // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – истории человечества*, Москва: ИМЛИ РАН, с.224 - 248.
- 3- Адамович Г. (1952). «Жизнь Арсеньева» // *Новое русское слово, Нью-Йорк*, 1952, 12 октября (14778), с. 8.
- 4- Анкета (1927) // *Дни*, 30 октября.
- 5- Бакунцев А. В. (2013). *Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) / Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына*, 2013, № 4, с. 268 – 337.
- 6- Бунин И.А. (1924). *Миссия русской эмиграции // Руль* (Берлин), 3 апреля, № 1013, с.5-6.

- 7- Бунин И. А. (1988). *Собрание сочинений* в 6 томах, Москва : Художественная литература.
- 8- Бунин И. А. (1993-2000). *Собрание сочинений* в 8 томах, Москва : Московский рабочий.
- 9- Бунин И. А. (2014). *Стихотворения* в 2 томах, Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова.
- 10- Двинятина Т. М. (2020). *Одесский цикл И. А. Бунина 1918 г.: Стихи после жизни // Текст и традиции*, Санкт-Петербург, 2020, вып. 8, с.177-191.
- 11- Карими-Мотаххар Дж. (2019). *Место и значение творчества Ивана Бунина в Иране // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология)*, Москва : Литфакт, вып.1, с. 540 – 547.
- 12- Петренко О. (2021). *Культурная память слова его связь с творчеством периода эмиграции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практика*, Серия Гуманитарные науки, № 11, с. 172-174.
- 13- Сафиулина, Р. (2021). *Эклектика Саади в творчестве И. Бунина и К. Паустовского*. Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы, 9(2), 211–224. <https://doi.org/10.52547/iarll.18.211>
- 14- Сливницкая О. В. (2021). *И. А. Бунин: о психологической функции внешней образности// И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – истории человечества*, Москва : ИМЛИ РАН, с. 9 – 14.
- 15- Степун Ф. А. (1934). *Ив. Бунин // Современные записки*, 1934, №54, с. 197-211.
- 16- Хрисанфов В. И. (2001). *Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус: из жизни в эмиграции*, Санкт-Петербург : Синтез-Полиграф.
- 17- Яхьяпур Марзие (2019). *Трудности перевода поэзии Ивана Бунина на персидский язык // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте*, Москва : Литфакт, 2019, вып. 1, с. 532-540.

Bibliography

- 1- Adamovich G. (1839). *Literaturnye zametki: I. A. Bunin.- «Lika» // Poslednie novosti*, 1939, 4 maja (№ 6611), s. 3.
- 2- Adamovich G. (2021). *Zhizn' i tvorchestvo Ivana Bunina. Perevod S. A. Garciano // I. A. Bunin i ego vremja: konteksty sud'by – istorii chelovechestva*, Moskva : IMLI RAN, s.224 - 248.
- 3- Adamovich G. (1952). *«Zhizn' Arsen'eva» // Novee russkoe slovo*, N'ju-Jork, 1952, 12 oktjabrja (14778), s. 8.
- 4- Anketa (1927) // *Dni*, 30 oktjabrja.

- 5- Bakuncev A. V. (2013). *Rech' I. A. Bunina «Missija russskoj jemigracii» v obshhestvennom soznanii jepohi (po materialam jemigrantskoj i sovetskoj periodiki 1920-h gg.) / Ezhegodnik Doma russskogo zarubezh'ja imeni A. Solzhenicyna*, 2013, № 4, s. 268 – 337.
- 6- Bunin I.A. (1924). *Missija russskoj jemigracii* // *Rul'* (Berlin), 3 aprelja, № 1013, s.5-6.
- 7- Bunin I. A. (1988). *Sobranie sochinenij v 6 tomah*, Moskva : Hudozhestvennaja literatura.
- 8- Bunin I. A. (1993-2000). *Sobranie sochinenij v 8 tomah*, Moskva : Moskovskij rabochij.
- 9- Bunin I. A. (2014). *Stihotvorenija v 2 tomah*, Sankt-Peterburg : Izd-vo Pushkinskogo Doma, Vita Nova.
- 10- Dvinjatina T. M. (2020). *Odesskij cikl I. A. Bunina 1918 g.: Stihi posle zhizni // Tekst i tradicii*, Sankt-Peterburg, 2020, vyp. 8, s.177-191.
- 11- Karimi-Motahhar Dzh. (2019). *Mesto i znachenie tvorcestva Ivana Bunina v Irane // Tvorcestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografija, istochnikovedenie, tekstologija)*, Moskva : Litfakt, vyp.1, s. 540 – 547.
- 12- Petrenko O. (2021). *Kul'turnaja pamjat' slova ego svjaz' s tvorcestvom perioda jemigracii // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktika*, Serija Gumanitarnye nauki, № 11, s. 172-174.
- 13- Safiulina, R. (2021). *Jeklektika Saadi v tvorcestve I. Bunina i K. Paustovskogo*. Issledovatel'skij Zhurnal Russkogo Jazyka i Literatury, 9(2), 211–224. <https://doi.org/10.52547/iarll.18.211>
- 14- Slivickaja O. V. (2021). *I. A. Bunin: o psihologicheskoj funkcii vneshnej izobrazitel'nosti // I. A. Bunin i ego vremja: konteksty sud'by – istorii chelovechestva*, Moskva : IMLI RAN, s. 9 – 14.
- 15- Stepun F. A. (1934). *Iv. Bunin // Sovremennye zapiski*, 1934, №54, s. 197-211.
- 16- Hrisanfov V. I. (2001). *D. S. Merezhkovskij i Z. N. Gippius: iz zhizni v jemigracii*, Sankt-Peterburg : Sintez-Poligraf.
- 17- Jah'japur Marzie (2019). *Trudnosti perevoda poezii Ivana Bunina na persidskij jazyk // Tvorcestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste*, Moskva : Litfakt, 2019, vyp. 1, s. 532-540.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Safiulina Rano Mirsachanovna (2023). THE POSITION OF I. A. BUNIN IN THE PARIS DISCUSSION OF 1927. *Issledovatel'skij Zhurnal Russkogo Jazyka I Literatury*, 11(1), 193-206.

DOI: 10.52547/iarll.21.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/279>

جایگاه بونین در گفتمان پاریس سال ۱۹۲۷

رعنا میرزاخانونا صافیولینا^{*۱}

دانشیار، دانشگاه اقتصاد و صنعت مسکو «سینرگیا»،
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله جایگاه ای. آ. بونین در گفتمان سال ۱۹۲۰ بررسی می‌شود. در همین ارتباط، به موضوع «زندگی در حافظه» به عنوان یک موضوع هنری در آثار بونین پس از سال ۱۹۲۷ پرداخته شده است. برای این منظور، رمان «زندگی آرسنیف» و دیگر آثار که دو مفهوم اصلی را در آثار بونین متجلی می‌کنند، بررسی می‌شود: مفهوم بازگشت‌ناپذیر بودن و مفهوم عامیت انسان، ضمن این‌که مفهوم جدید «زندگی در حافظه» به آنها اضافه می‌شود. هدف این کار پژوهشی، مشخص کردن ویژگی‌های هنری تجلی این مفاهیم در آثار بونین و تأثیر آنها بر پایه‌های مفهومی آثار وی است. تحلیل مفاهیم ذکر شده نشان می‌دهد که هدف متعالی بونین به عنوان یک نویسنده و انسان عبارت است از: حفظ دنیای مادی و معنوی پیش از انقلاب در حافظه بشریت؛ دورانی که به شکل غیرقابل بازگشتی به ورطه نیستی رفته و تنها در خاطرات مردم باقی مانده است.

واژگان کلیدی: بونین، مهاجران روس، مباحثه ۱۹۲۷، روزنامه «دنی» (روزها).

1. Email: ranovi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3128-6999>

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی - پژوهشی